

ИВАН ПОСОШКОВ *

Этот писатель, если можно так назвать крестьянина, жившего в своем селе и посвящавшего досуги составлению различных произведений, представляет собой один из примеров русского самоучки, который силой своего ума и таланта пробивает себе дорогу вопреки всем жизненным обстоятельствам, вопреки тому, что не получил никакого образования. Профессор Погодин, издавший сочинение Посошкова **, сделал эпиграфом следующее изречение самого Посошкова, как характеризующее этого самородка: «Много немцы нас умнее науками, а наши остроюю, по благодати Божьей, не хуже их, а они ругают нас напрасно». Нужно действительно сказать, что произведения Посошкова интересны не только как первые наши экономические сочинения, но не уступают самым выдающимся произведениям европейского меркантилизма.

Крестьянин Иван Посошков родился около 1670 года и жил в селе Покровском Новгородской губернии. В 1700 году он подавал проект финансовой реформы, а в 1701 году он написал записку боярину Головину о ратном поведении.

В 1710 году Посошков написал сочинение «Отческое завещательное поучение» своему сыну, который среди других молодых людей был отправлен Петром Великим за границу. Это завещание есть вместе с тем и нравоучение, которое содержит самые различные, как религиозные, так и практические указания относительно его жизни. Следующее его сочинение, уже по вопросам церковного характера, было подано Стефану Яворскому ***, рязанскому епископу, впоследствии митрополиту. Наконец, в 20-х годах, около 1724 года, он написал сочинение, которое остается выдающимся и до настоящего времени, под заглавием: «Книга о скудости и о богатстве, сие есть изъяснение, от чего приключается скудость и от чего гобзовитое (изобильное) богатство умножается».

Это произведение было написано им для подачи императору Петру, но через несколько месяцев после окончания произведения Петр умер, а те отрывочные данные, которые мы имеем относительно Посошкова, не дают возможности проследить дальнейшую судьбу сочинения, которое при преемниках Петра привело Посошкова в Петропавловскую крепость, где и застает его 1725 год. В 1726 году он умер и похоронен в С.-Петербурге. В точности причины его заключения в Петропавловскую крепость неизвестны, но можно думать, что причиной было это сочинение. Само произведение до XIX века было затеряно и неизвестно, и только в XIX веке проф. Погодина посчаст-

* Посошков Иван Тихонович (1652-1726) — русский мыслитель и экономист. Происходил из семьи потомственных ювелиров-серебряников дворцового села Покровское. Самостоятельно выучился читать, одно время был близок к раскольникам. Стал купцом, к концу жизни приобрел имение. Автор многочисленных прожектов, из которых наиболее известен предназначавшийся Петру Великому трактат «Книга о скудости и богатстве» (1724) — обширный проект реформ, направленных на улучшение экономического и политического устройства России. Здесь впервые дано истолкование так называемого «невещественного богатства» — праведных законов любви, духовности, грамотности и т. п. Один из первых русских исследователей крестьянского хозяйства; предложил царю Петру взять под свою защиту земледельцев. В августе 1825 года арестован и окончил свою жизнь в тюрьме Тайной розыскных дел канцелярии.

** Имеется в виду издание: Сочинения Ивана Посошкова. Ч. I-II. Изд. М. П. Погодина. М., 1842-1863. Другие издания: Завещание отеческое к сыну / Ред. и вступ. статья Прилежаева. СПб., 1893; Зерцало очевидное (Полная редакция). Вып. 1-2. Казань, 1895-1906; Сборники писем И. Т. Посошкова митрополиту Стефану Яворскому. СПб., 1900; Книга о скудости и богатстве и другие сочинения / Ред. и вступ. статья Б. Б. Кафенгауза. М., 1951.

*** Стефан Яворский (1658-1722) — русский церковный деятель, писатель. В 1700-1721 годах — местоблюститель патриаршего престола. Автор полемиического сочинения «Камень веры» (против лютеран); в полемике с Г. Талицким написал книгу «Знаменья пришествия Антихриста» (М., 1703).

© Исупов К., Савкин И. Русская философия собственности (XVII-XX вв.). — СПб.: СП «Ганза», 1993.

© «Im Werden Verlag». Некоммерческое электронное издание. Мюнхен. 2007

<http://imwerden.de>

ливилось его открыть и сделать общим достоянием. Сочинение представляет собой огромный интерес не только для развития экономической мысли, но и для русской истории, потому что наблюдательность ума, остроумие и талант этого простого крестьянина касаются различных сторон жизни своего времени. Эта книга «О скудости и о богатствах» на самом деле представляет из себя трактат, посвященный не только вопросам экономической жизни, но и затрагивающий целый ряд вопросов судопроизводства, полицейского и церковного права, общекультурной жизни, — одним словом, книга представляет яркую и живую картину жизни русского народа в эпоху Петра Великого. Во вступлении к своему сочинению Посошков высказывает общие свои понятия о том, что такое богатство: «понеже не то царственное богатство, еже в царской казне лежащие казны много, ниже то царственное богатство, аще синклит Царского Величества в златотканых одеждах ходит, но то самое царственное богатство, ежели бы весь народ, по местностям своим богат был самыми домовыми внутренними своими богатствами, а не внешними одеждами или позументным украшением; ибо украшением одежды не мы богатимся, но те государства богатыся, из коих те украшения привозят к нам, а нас во имени теми украшениями истончевают». Вы слышите, как здесь русский мужик повторяет рассуждения Вильяма Стаффорда *. «Паче же вещественного богатства надлежит всем нам обще пешися о невещественном богатстве, т. е. об истинной правде, о правде — отец Бог, и правда вельми богатства и славу умножает, и от смерти избавляет; о неправде — отец диавол, и неправда не токмо вновь богатит, но и древнее богатство истончевает, и в нищету приводит, и смерть наводит». Высказывая это общее суждение о богатстве, он дальше излагает основную руководящую мысль своего сочинения. Нужно сказать, что, действительно, нельзя не удивляться смелости и самоотверженности этого крестьянина, который пишет трактат и передает его в руки Петра Великого, трактат, хотя и проникнутый искренним чувством преданности к нему, но, безусловно, содержащий такую резкую и беспощадную критику того, что происходит, что, очевидно, мысль о собственной безопасности была далека от автора.

В четвертой главе сочинения Посошкова содержится трактат о купечестве, или о торговле. Здесь проявляется собственно меркантилистический характер воззрений Посошкова или, по крайней мере, те черты его, которые сближают воззрения Посошкова с воззрениями, развивающимися в западно-европейской экономической литературе, и которые характеризуются обычно как меркантилистические. Прежде всего, это меркантилистическое мировоззрение придает торговле значение совершенно исключительное. Посошков особенно подчеркивает и отстаивает, даже в полемической форме, значение, какое имеют купечество и торговля. Не нужно забывать, что эта защита относится к тому времени, когда занятие торговлей не считалось особенно почетным. «И купечество, — начинает он эту главу, — в ничтожность подвергать не надобно, понеже без купечества никакое, не токмо великое, но и малое царство стоять не может... Нет на свете такого чина, коему бы купецкий человек не потребен был бы».

После этой общей защиты купечества он обращается к анализу недостатков организации современной ему торговли, которые он наблюдает, и прежде всего указывает, что купечество не представляет собой замкнутого сословия, и что доступ к занятию торговлей открыт всякому желающему. Вследствие этого неумеренная конкуренция затрудняет правильную организацию торговли со стороны тех, кто является к тому призван. Забота о торговле входила как существенная часть в состав меркантилистической политики.

Далее Посошков с горячностью останавливается на том, что в торговле слишком много обманов и что качество товаров совершенно не гарантируется: «а сей древний купецких людей обычай вельми есть неправ, еже и между собой друг другу неправду чинят, ибо друг друга обманывают. Товары, яко иноземцы, тако и русские, на лице яв-

---

* Стаффорд Вильям (1554—1612) — английский экономист, представитель раннего меркантилизма. Основной формой богатства считал деньги.

ляют добрые, а внутри положены или соделаны плохо, а иные товары и самые плохие, да закрасив добрыми, продают за добрые, и цену берут несправедливую, и неискренних людей тем обманом вельми изъяснят; и в весах обвешивают, и в мерах обмеривают, а в цене облыгают, и тое неправду и в грехе не поставляют, и от такого неправого порядка незнающим людям великие пакости чинятся. А кои обманывают, последи за неправду свою и сами все пропадают и в убожество вящее приходят; и тако вси отончевают. А еще бо в купечестве самая христианская правда уставилася, еже добрые товары за добрые бы продавали, а средние за средние, а плохие за плохие, и цену брали по достоинству товару прямую настоящую, почему коему товару цена положена».

...Как известно, в Западной Европе, например, в Англии, были установлены строгие законы о качестве товаров: их мера, ширина и длина, их достоинство — все это предусматривалось цеховой регламентацией, а затем и правительственной регламентацией. Отсутствие таковой у нас заставляет нашего меркантилиста выражать пожелание ее. Для того, чтобы эта задача выполнялась, он развивает весьма своеобразный и курьезный план торговли, в которой главную роль играет особый чиновник. «И ради неподвижная в купечестве правды надлежит во всех рядах устроить сотских и пятидесятских и десятников, и в коей лавке сидит сотский, то над дверьми лавочными прибита дощечка, окруженная, покрытая белилами, дабы всем она знатна была, и на такой дощичке написать еще: сотский; такожде над лавкой пятидесятского и десятского, чтобы купующие, купя такой товар, знали, где тот товар показать, прямо ль отвесил или обмерял, и товар добрый или плохой, и настоящую ли цену взял. А буде цену взял не против настоящих цены излишнюю, то за всякую излишнюю копейку взять на нем штрафу по гривне или по две и высечь батоги или плетьюми, чтобы впредь так не делал, а буде и в другой раз также учинить, то доправить штрафу сугубо, и наказание учинить сугубоем».

Таким образом, это — те же самые меркантилистические идеи надзора над торговлей, по преломляющиеся, соответственно исторической обстановке, своеобразно у нашего мыслителя.

Затем следующий вопрос, на котором он останавливается, состоит в том, что, благодаря организованности иностранной торговли и неограниченности конкуренции, не устанавливаются крепкие цены для заграничных товаров. И для того, чтобы это зло устранить, он предлагает своеобразную организацию торговли, нечто вроде торговых синдикатов, существующих в настоящее время, нечто вроде нормировки в целях поддержания известного уровня цен. «И с воли командира своего и по согласию купечества поставя цену товару своему, отпускали бы за моря и за прочие рубежи русские товары, как богатые, так и убогие с воли командира своего по общему согласию компанства, чтобы никому обиды не было. И егда иноземец сторгует какова товара русскаго, многое число или малое, то всем русским людям, как богатым, так и убогим, комуждо из своих товаров поверстався по количеству товаров своих, чтоб ни богатому, ни убогому обиды не было».

Дальше он предусматривает тот случай, что иностранцы, в ответ на такую забастовку русских купцов, на этот синдикат ответят тоже синдикатом и не возьмут товаров. На это он предлагает ответить еще увеличением цен: «и буде двойныя цены за наши товары не похитят нам дать, то и их товары перед нами; мы благословением Божиим можем без их товаров пробыть. Обще же я мню: хотя они хитря в купечестве и в иных гражданских расправах, а аще уведают нашего купечества твердое положение о возвышении цены, то не допустит до двойной цены: будут торг иметь повсягодно, видя бо наше твердое постоянство, всячески упрямство свое прежнее и гордость свою всю и нехотя отложат: нужда пригоняет и к поганой луже. Для нас, хотя они вовсе товаров своих к нам привозить не будут, мню, можем прожить без товаров их; а они без наших товаров и 10 лет прожить не могут. И того ради подобает нам над ними господствовать, а им рабствовать перед нами, и во всем упорядок перед нами

держат, а не гордость. Сие странное дело, что к нам приехав со своими безделками, да нашим материальным товарам цену уставляют низкую, а своим цену ставят двойную, а иным товарам и выше двойной цены». Он хочет обуздать иностранцев не только относительно цен, но и относительно ценности денег, жалуется, что иностранцы разменивают наши деньги не по номинальному курсу, а по их действительной ценности. В сущности, это та же самая мысль, только наивно выраженная, которая лежала в основе английской политики, институт королевских менял и королевского монетного двора: задача этого института была в том, чтобы полноценные иностранные деньги разменять на английские по их номинальной ценности. Такой же порядок Посошков мечтал бы завести для иностранного купечества, торгующего в России, чтобы им давать наши обесцененные деньги по их номинальной ценности.

Далее он рекомендует обставить самый прием заграничных товаров большей строгостью со стороны их качества. «А буде же иноземцы на тот отборный товар еже сверх настоящей цены наложат цену излишнюю, то и того отборного товара с наложением прибавочной их цены не брать бы у них ничего, но брать по настоящей цене, какова до того отбирания установилась. А буде заупрямится, и давать тех товаров по настоящей цене не похотят, то отказать им: пусть весь свой товар повезут назад, а плохих и непотребных товаров и на полцены отнюдь бы не принимать ни малого числа для того, чтобы они дураками нас не называли, и в товарах наших над нами не издевались бы».

Следовательно, это синдикатское соглашение должно охватить организацию как внешней, так и внутренней торговли. При этом он предостерегает наших соотечественников относительно увлечения заграничными товарами, в особенности предметами роскоши, разными иностранными винами и разными нарядами. Подобно тому, как в Англии существовал закон против роскоши, и закон, который определял, кто в какой костюм имеет право наряжаться, и Посошков рекомендует установить обязательные костюмы для всех сословий и чинов, так что, если в настоящее время Россия представляет такое множество форм, установленных законом, проект Посошкова идет в этом направлении значительно дальше. Он мечтает одеть всю Россию в установленные законом костюмы или формы: «паки мне мнится — не худо бы расположить, чтобы всякий чин свое бы определение имел: посадские люди, все купечество, собственное свое платье носили; чтобы оно ничем ни военному, ни приказному согласно не было. А ныне никоими делы по платью не можно познать, кто какого чина есть, посадский или приказный или дворянин или холоп чей; и не токмо с военными людьми, но и с царедворцы распознать не можно». Далее он подробно описывает, какие костюмы каждому сословию следует носить. Вот собственно самые яркие и ценные идеи его по вопросу о торговле.

Следующая глава его сочинения называется: «О художестве», т. е. о ремеслах, об организации ремесел, следовательно, обрабатывающей промышленности. Здесь Посошков совершенно справедливо с точки зрения исторического момента организации ремесленного труда того времени сетует о том, что у нас не существует строгой цеховой регламентации производства, засвидетельствованного умения заниматься ремесленным трудом, до известной степени ограждающих производства от конкуренции товаров дурного качества. Основная его мысль здесь состоит в желательности установления у нас цехового строя ремесленной промышленности. «В художниках, — говорит он, — аще не будет доброго надзирателя и надлежащего им управления, то им ни коими делы обогатится невозможно, ниже славы себе доброй получить, но до скончания века будут жить в скудости и бесславии. А если бы учинен был о них гражданский указ, еже им бы и с самого начала учиться постоянно жить, давшись к мастеру в научение, жить до уреченного сроку, а не дожив не то, что года, но и недели «с дожив, прочь не отходить, и не взяв отпускного письма и после сроку со двора не сходить то бы все мастера не в том бездельном порядке были, но совершенно добрыми мастера-

ми были бы. А прежде такой порядок в них был, что отдавшись на учение лет на 5 или на 6, и год места или другой пожив, да мало-мало понаучась, и прочь отойдет, да и станет делать собою, да и цену спустит и мастера своего оголодит, а себя не накормит, да так и век свой изволочит — ни он мастер, ни он работник. А сказывают про иноземцев, что у них учинен о сем гражданский указ такой твердый, что буде кто, не дожив до срока хотя и единого дня, да прочь отойдет, то уже тот человек не будет добрым человеком никогда, а буде и доживет до срока, а письма от мастера своего не возьмет отпускного, никто де его не примет в наймиты, ни в ученики, никто де его не возьмет; и того ради у них и мастера добры и похвальны».

Так вот, он полагает, что «по иноземским уставам надлежит и владеть тем мастерством до смерти своей, кто его вымыслил, а иным не допускают того мастерства делать до смерти его». Остальные его замечания по поводу ремесел касаются вопросов сравнительно второстепенных и не принципиальных.

Следующая, 6-я глава, посвящена вопросу о разбойниках. Эта глава, во-первых, свидетельствует о том, насколько плохо обстояли дела с общественной безопасностью, как распространены были у нас разбои, и, во-вторых, она характеризует уголовное мировоззрение лучших людей того времени, наиболее просвещенных, к числу которых принадлежит и Посошков. Согласно этому мировоззрению, лишь самые крупные и резкие меры должны быть применены для борьбы с этими разбойниками. «Во всех государствах христианских и басурманских разбоев нет таких, каковы у нас в Руси, а все от того, что там потачки им не малыя нет: в тюрьмах долго не держат; когда кого поймают, тогда ему указ учинят; и того ради там не смеют и воровать много. А у нас, поймав вора или разбойника, не могут с ним расстаться: посадят в тюрьму да кормят его, будто доброго человека, и держат в тюрьме лет 10 и 20, и в таком долгом сиденье много их уходят, а ушед, уже пуще старого воровать станут». Посошков сам здесь высказывается за самые строгие меры и за применение скорой смертной казни за всякое совершение разбоя и убийства.

Следующая глава посвящена вопросу о крестьянстве. Здесь он касается целого ряда больных сторон и положении современного крестьянства: «крестьянское житье скудно ни от чего иного, токмо от своей их лености, а потом от нерассмотрения правителей, и от помещичья усилия, и от небрежения их». Он заботится о поднятии производительности и энергии крестьянского труда, и долгие всего его заботит, что по условиям русского земледелия, по условиям климата, значительную часть года, зимнее время, крестьяне остаются без труда, ленятся и вследствие этой лености разоряются. Он касается не только этих сторон крестьянской жизни, но и их специального положения, отношения к ним помещиков, и говорит много горьких истин по адресу помещиков, призывая их более разумно относиться к своим крестьянам, подчиняя точку зрения частнопроводную точке зрения государственной: «а и сие не весьма право зрится, еже помещики на крестьян своих налагают бремена, неудобь носимые; ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в работную пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы ему на себя что сработать. И за таким их порядком крестьянин никогда у такого помещика обогатиться не может, и многие дворяне говорят крестьянину де не давай обрасти, но остриги его, яко овцу, догола. И тако говоря, царство пустошат: понеже так их обируют, что у иного и козы не оставляют». «Крестьянам помещики, — возражает он против этого, — не вековые владельцы; того ради они не весьма их и берегут, а прямой их Владетель — Всероссийский Самодержец, а они владеют временно». Эту мысль он не раз приводит и в других местах, желая сказать, что крестьяне и их благосостояние есть дело государственной важности, а не помещичьего только интереса. Не нужно забывать, что крепостное право в России в это время было явлением, если и не новым, то, во всяком случае, сравнительно недавнего происхождения. Как разъясняет проф. Ключевский в третьем выпуске своей истории, крепостное право отвердевает после Смутного времени, в результате и в связи с теми социаль-

ными процессами, которые развились в Смутное время до Петра Великого. Крепостное право было, так сказать, явлением вчерашнего исторического дня. Эти воззрения, противопоставляющие частную помещичью точку зрения на крестьян и крестьянскую собственность точке зрения государственной, — в сущности, в корень подрывающие и ограничивающие права помещиков на крестьян — нельзя не признать весьма бредовыми, до известной степени предвещающими идею освобождения крестьян еще в эпоху Петра Великого. «По моему мнению, — повторяет он в другом месте, — царю паче помещиков надлежит крестьянство беречи; понеже помещики владеют ими временно, а царю они вековые, и крестьянское богатство — царственное, а нищета крестьянская — оскудение царственное. И того ради царю, яко великородных и военных, тако и купечество и крестьянство блюсти, дабы никто в убожество не входил, но все бы по своей мерности изобильны были».

Следующая глава: «О дворянах, крестьянах и земельных делах». Он обращается к дворянам, призывая их рационально относиться к земледелию.

Наконец, последняя глава — «О царском интересе» — посвящена вопросу о финансовых делах. Здесь он делает целый ряд умных замечаний относительно распределения податей и способа их получения в России и, между прочим, с особенным вниманием останавливается на чистоте денежной системы. Забота о деньгах, о порче денег, как известно, вообще характерный для меркантилистического направления ввиду того особого значения, какое придавалось торговле и денежным отношениям. Это была такая эпоха, когда подделка монеты не считалась предосудительной, хотя чеканка монеты и считалась как бы прерогативой короны данной страны. Обращаясь к русским государям, Посошков говорит: «Яко у нас в России вера содержится христианская самая чистая, никакого примеса еретическа неимущая, тако треба и деньгам российским быть самыми чистыми, без всякаго примеса и еже бы им от всех иностранных отменным и от всех похвальным быть, яко в мастерстве, тако и в чистоте серебра».

Сочинение это подписано следующими словами: «И ныне... твоего милосердия прошу, дабы имя мое сокровенно от сильных лиц было, паче же от нелюбящих правды; понеже писах не слагая им. Паче же да будет воля Божия и твоя превысокая царская воля во мне. Аминь».

Яко аще кто восхочет Богу угодить, тот не может мамоне услужить. Ничим же разнствует, аще кто и Царю верно потщится услужить, то всему миру имать ненавистен быть.

Всенижайший и мизирнейший рабочищ, правды же всеусердный рабожелатель, Иван Посошков, утаенно от зрения людского трилетним трудом восписав Твоему Царскому Величеству предлагаю, Аминь».

Я старался вас познакомить в длинных выдержках с замечательным произведением нашего отечественного экономиста и этими выдержками старался дать вам почувствовать как литературные достоинства, живость изложения, яркость образов, так и свежесть мысли, которая проявляется в этом произведении и заставляет причислить его к числу самых выдающихся произведений меркантилистической литературы не только в России, где оно почти единственно, но и вообще мировой меркантилистической литературы. В нем отразились достаточно ярко и наиболее выдающиеся особенности меркантилистической доктрины, именно: вера в полицейское государство и регламентацию, отсутствие всяких сомнений в целесообразности и допустимости этой регламентации, забота о торговле, о денежной системе и, вообще, забота о развитии внутреннего труда, враждебное и недоверчивое отношение к загранице и торговым сношениям с заграницей.